

УДК 821.111–34–93, ББК 84(4), У65

Вниз по Причуди / В.В.; пер. с англ. — М.: ООО «Издательство «Добрая книга», 2019. — 272 с.

ISBN 978–5–98124–729–3. Отпечатано в России.

Иллюстрации Владимира Стахеева.

Перевод с английского языка Веры Саниной.

Книга для чтения взрослыми детям.

Издательство «Добрая книга» поддерживает право каждого человека на свободное творческое самовыражение, ценит труд писателей и иллюстраторов и уважает их права. Цель авторского права — поощрять писателей и художников создавать новые произведения, радующие нас и обогащающие нашу культуру.

Копирование, сканирование, загрузка в электронные устройства или распространение этой книги либо её фрагментов в любой форме без разрешения издательства является воровством интеллектуальной собственности автора книги и иллюстратора.

Благодарим вас за поддержку наших авторов и иллюстраторов и уважение их прав.

Все права защищены. Любое копирование, воспроизведение, хранение в базах данных или информационных системах, передача, размещение в сети Интернет или в корпоративных сетях, в любой форме и любыми средствами, электронными, механическими, посредством фотокопирования, записи или иными, включая запись на магнитный носитель, любой части этой книги запрещено без письменного разрешения владельцев авторских прав.

За нарушение авторских прав законодательством Российской Федерации предусмотрена выплата компенсации в размере до 5 миллионов рублей (ст. 1301 Гражданского кодекса Российской Федерации) и наказание в виде лишения свободы на срок до 6 лет (ст. 146 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Оригинальное издание этой книги на английском языке было опубликовано в 1948 году под названием «Down the Bright Stream».

© The Estate of D. J. Watkins-Pitchford, 1948 — текст.

© ООО «Издательство «Добрая книга», 2019 — перевод на русский язык, иллюстрации, оформление, издание на русском языке.

Издательство «Добрая книга»

Электронный адрес для переписки: mail@dkniga.ru

Вся информация о наших книгах, ознакомительные фрагменты книг и заказ книг в крупнейших интернет-магазинах — на веб-сайте издательства «Добрая книга» www.dkniga.ru.

Оглавление

1. Внезапное пробуждение • 7
 2. Исход • 24
 3. Гибель Причуди • 32
 4. Планы • 47
 5. Подмёткинс–младший • 61
 6. Мастерская Подмёткинса • 69
 7. Путешествие продолжается • 77
 8. У плотины Бантли • 92
 9. Гремящая мельница • 103
 10. Белка • 114
 11. Спасательная команда • 126
 12. Прогулка Морошика • 137
 13. Подъём «Джини Динс» • 145
 14. Каникулы • 153
 15. Поднять якорь! • 162
 16. Гибель «Джини Динс» • 172
 17. Меум принимается за работу • 186
 18. Чудо-птица • 199
 19. Пожар в доме господина Барсука • 209
 20. Чудо-птица встаёт на крыло • 221
 21. В воздухе • 229
 22. На маяке Нокгоббин • 243
 23. Остров Вальдшнепа • 253
- Об авторе • 269

*Моей дочери
Анжеле Джун*

*Чудо жизни, её удивительная красота и сила,
её формы, цвета, свет и тени — вот что я вижу.
Взгляни и ты, покуда длится жизнь.*

1

Внезапное пробуждение

Если вы уже прочитали книгу «Вверх по Причуди и обратно. Удивительные приключения трёх гномов», то знакомы с гномами, живущими под корнями старого дуба на берегу Дубовой заводи, и с другими обитателями ручья Причудь, а кроме того, вам известна история о том, как три гнома — Вьюнок (хромой гном), Тысячелист и Меум* — отправились в верховья Причуди, чтобы найти своего пропавшего собрата, Морошика, и как после множества приключений они нашли его целым и невредимым, и к тому же в превосходном расположении духа.

Вы наверняка помните и о «Джини Динс», игрушечном корабле, который гномы обнаружили на Тополином острове, о том, как они обрадовались этой находке и как на этом корабле вернулись в свой дом под корнями старого дуба на берегу уорикширского** ручья.

Если же вы ещё не прочитали эту книгу, ничего страшного; быть может, однажды вы её прочитаете.

Эти четверо гномов — Вьюнок, Меум, Тысячелист и Морошик — были последними гномами в Англии. Все остальные гномы, в старые добрые времена обитавшие в лесах, лугах и по берегам рек и ручьёв, давным-давно ис-

* Имена гномов, героев этой книги, произошли от названий различных растений.

Меум обыкновенный (или меум атамановый) — хорошо известное в старину лекарственное растение, очень похожее на фенхель, благодаря своему аромату использовавшееся также для приготовления супов и рагу. В Шотландии меум издревле выращивался с целью употребления в пищу как корнеплод; в Германии он известен как «медвежье сусло» (Bärwurz) и используется для приготовления одноименного баварского шнапса. — *Прим. ред.*

** Уорикшир — графство в центральной части Англии. — *Прим. ред.*

чезли, вместе с ними исчезли феи и эльфы, но наши герои уцелели, потому что тихо и безбедно жили в пещере под старым дубом в дальнем уголке Уорикшира. Сотни лет им удавалось не попадаться на глаза людям, а *это* было очень нелегко, уж поверьте мне! По той же самой причине до наших дней дожили и барсуки: будучи представителями одного из самых древних видов животных, барсуки выжили просто потому, что никогда не показывались из своих нор днём (за исключением очень старых или больных животных), строго придерживались правила *никогда* не связываться с людьми и не впутываться в их дела, а также никогда не воровали их имущество, как это водится у лис, крыс и некоторых птиц, или делали это очень редко.

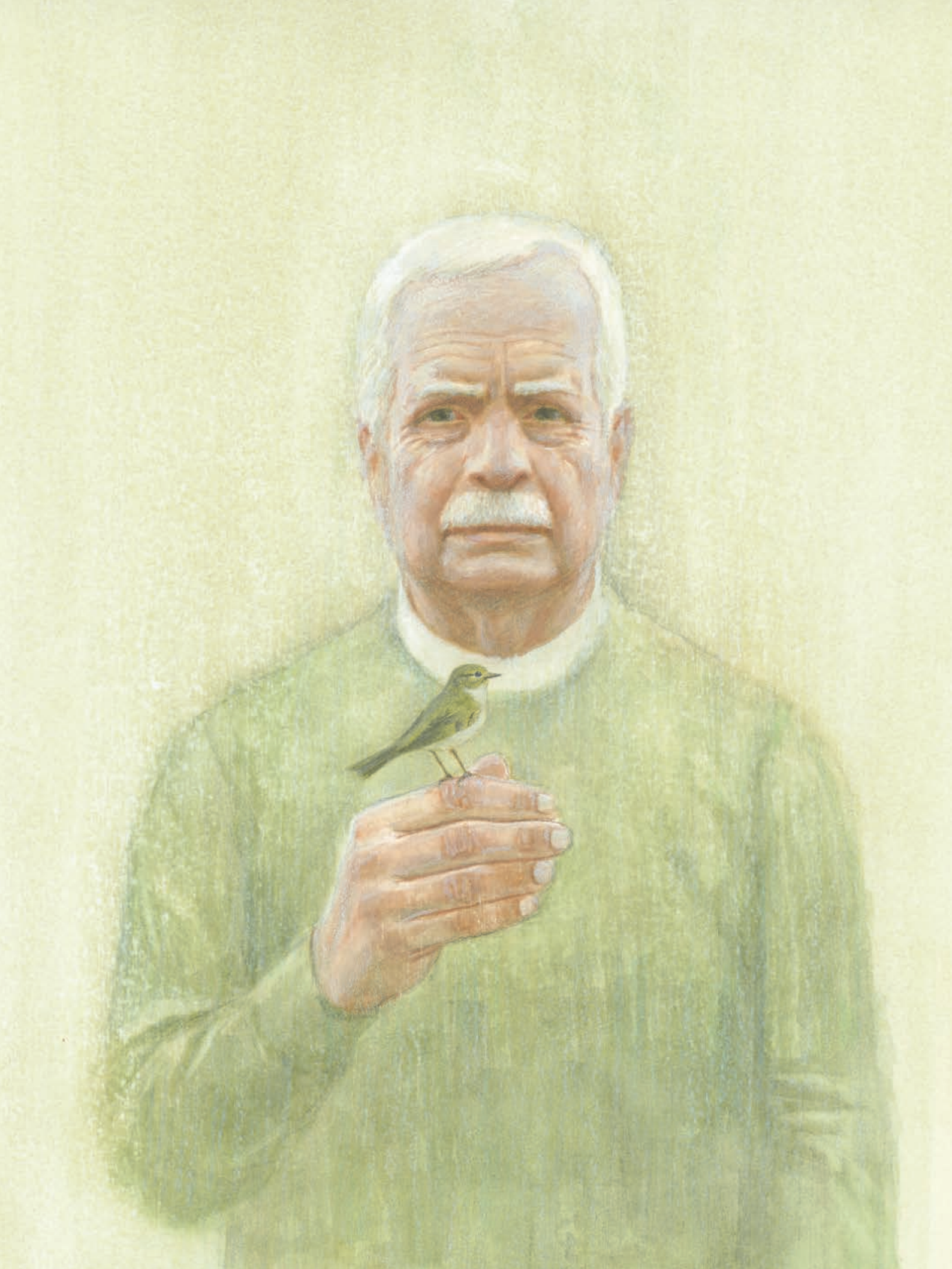
Вскоре после того, как гномы, совершив удивительное путешествие в верховья Причуди, вернулись в свой дом под старым дубом, я покинул те места, где они жили. Я часто вспоминал о них и беспокоился за их дальнейшую судьбу: я знал, что люди перекопали русло Причуди и её берега, разрушив первозданную красоту тех мест. Возможно, я так никогда и не узнал бы о том, что произошло с этими гномами, если бы не одна маленькая птичка, которая рассказала мне об их новых приключениях. Благодаря её рассказу я и написал эту книгу. Вот как это случилось.

Совсем недавно, одним апрельским утром, когда я был в Оленьем лесу и наблюдал за ополóвником*, строившим гнездо, я заметил маленькую желтовато-зелёную пичужку, копошившуюся в ветвях терновника прямо над моей головой. Я узнал в ней Кроху — пёночку-весничку, только что вернувшуюся из Африки.

Именно Кроха поведала мне о том, что произошло дальше. Она узнала обо всём от двоюродного брата своего мужа, который жил возле ручья Причудь, да ещё от Дятла, поэтому в правдивости её рассказа можно не сомневаться. Но Кроха была плохим рассказчиком: она то и дело прерывала свой рассказ и отвлекалась на поиски гусениц и прочих зелёных насекомых, да к тому же она ещё не пришла в себя после долгого перелёта. Поэтому я расскажу вам обо всём по-своему, так же, как сделал в первой книге.

Итак, после пиршества и бурного празднества в доме гномов под корнями старого дуба, когда птицы и звери разошлись по домам, гномы и Белка улеглись спать. Огонь в очаге погас, и в пещере стало очень холодно. Но гномам было тепло и уютно, словно недавно родившимся щенкам. Они тесно прижались друг к дружке, со всех сторон обложившись охапками папорот-

* Длиннохвостая синица. — *Прим. автора.*

никовых листьев, и знай себе храпели. Миновал декабрь, наступил январь (а зима выдалась суровая!), корни старого дуба занесло сугробами, а Причудь намертво замёрзла. Это было трудное время для обитателей ручья. Пришёл февраль, а снег по-прежнему лежал повсюду. Иногда он подтаивал и становился грязно-коричневым, но очень скоро выпадал чистый свежий снег и снова убелял всё вокруг.

Лишь в середине марта можно было почувствовать, что в воздухе повеяло весной. В конце концов Причудь избавилась от оков льда и снова запела свою звонкую песенку, на ветвях ив показали почки, а синички — Синегривка, Белопузик (длиннохвостая синица), Чёрная Шапочка (черноголовая гаичка) — и зяблик Цвирк деловито сновали в ветвях деревьев и кустов. Водяные крысы вылезли из своих нор и уселись на солнцепёке, чтобы поскорее согреться, а камышницы уже подумывали о том, чтобы начинать строить гнёзда.

Над зеленеющими заливными лугами с рёвом и посвистом носились сильные ветры, безжалостно вырывавшие из земли хилые и прогнившие деревья. Мартовский ветер — зубной врач Матери-Природы; он вырывает из крон деревьев сухие и омертвевшие ветви, возвращая деревьям здоровье и силу.

А какие пируэты выписывают чибисы, с криками «Чьи вы? Чьи вы?» снующие над пашней в неярких лучах солнца!* Приятно было сознавать, что суровая зима миновала.

Именно в один из таких ветреных дней, когда Причудь сверкала и искрилась на солнце, а на её пригретом солнышком берегу засияли первые цветки чистотела, словно их только что выкрасили яркой жёлтой краской, в дверь жилища гномов под корнями старого дуба кто-то поскрёбся.

Первым проснулся Вьюнок. Как же затекло у него всё тело! Он раздвинул листья папоротника и высунул наружу свой огромный нос, словно ленивая соня.

Да, так и есть: кто-то очень громко скрёбся в их входную дверь! Какое чудовищное нарушение правил приличия, принятых среди животных! Никогда ещё обитатели ручья не осмеливались тревожить гномов во время зимней спячки. Вьюнок был так озадачен и раздражён, что разбудил остальных.

— Эй, Меум! Эгей, Морошник! Эге-ге, Тысячелист! Просыпайтесь! Просыпайтесь! Кто-то скребётся в нашу дверь!

Меум, ворча, повернулся и сел; его борода была усеяна обрывками листьев папоротника.

— Кто-то пришёл?

— Да, сам послушай!

Шорк-шорк-шорк.

— Что за наглость! И о чём только они думают?

— Сходи-ка посмотри, кто это, — скомандовал Вьюнок, пытаясь нащупать среди листьев папоротника свою костяную ногу. — Скажи им, чтобы убирались подобру-поздорову, и вразуми их как следует!

Меум что-то проворчал в ответ. Обрывки листьев папоротника попали ему за шиворот и щекотали спину, и это его страшно раздражало.

Меум наощупь пробрался к двери и отодвинул все засовы. Открыв дверь, он был ослеплён ярким светом солнца и одурманен волной холодного свежего воздуха, напоённого сладкими ароматами весны. Прикрыв лицо рукой, Меум чихнул так сильно, что не удержался на ногах и упал.

— Кто здесь? Что вам надо?

* Чибисы часто гнездятся неподалёку от человеческого жилья. При появлении вблизи гнёзд нежелательного посетителя или хищника эти птицы с громкими пронзительными криками начинают кружиться над ним, подлетая к нему очень близко и пытаясь отогнать; они не делают исключения даже для сельскохозяйственной техники, выведенной на полевые работы. — *Прим. ред.*

— Это я, Водокрыс, — послышался скрипучий голос. — Мы подумали, что вас нужно разбудить, потому что происходит что-то невероятное.

Меум приоткрыл левый глаз, понемногу привыкая к ослепительному свету. Вскоре он уже смог различить знакомые очертания Водокрыса, который выглядел страшно взволнованным.

Бедное животное было так расстроено, что едва могло внятно говорить.

— Боже мой, это ужасно, *ужасно!*

— Что ужасно? — раздражённо спросил Меум, который всё ещё не пришёл в себя.

— Да Причудь же! Она мельчает всё сильнее и сильнее, а мы не знаем, в чём дело. Все наши норы и подземные ходы пересохли, а воды в ручье почти не осталось!

— Ну, надо думать, это из-за сухой погоды, — ответил Меум, протирая глаза. — Не надо так волноваться, Водокрыс, это на тебя не похоже.

— Нет, дело вовсе не в этом, только что прошли обильные дожди. Мы опасаемся, что это всё проделки мельника на Мшистой мельнице, что это он остановил воду. Все обитатели ручья этим встревожены. Некоторые полевые мыши, обитавшие на лугах фермера Счастличикса, уже покидают свои жилища — они надеются, что ниже по течению ручей будет более полноводным.

К этому времени глаза Меума вполне привыкли к свету. Обрывки папоротника и сухие листья травы гроздьями свисали с его бороды, а он стоял и смотрел на Причудь. Должен сказать, он был страшно потрясён. К корню дуба была привязана бледная, выцветшая ленточка, которая отмечала обычный уровень воды в ручье. Как правило, гномы могли спускать на воду свои рыбацкие лодочки почти у самого порога их жилища под корнями старого дуба, но теперь уровень воды был гораздо ниже, а на месте большой коричневой заводи находилась широкая отмель из влажной зеленоватой гальки.

— Хорошо, Водокрыс, я позову остальных. Вьюнок выйдет через минуту.

— В чём дело? — раздался голос Вьюнка.

Он уже стоял рядом, пристегнув свою костяную ногу и, как и Меум, потирал глаза из-за непривычно яркого дневного света.

— Причудь! Ты только посмотри! — воскликнул Меум, который теперь и сам встревожился не на шутку. — Похоже, ручей пересыхает, или что-то вроде того.

На пороге появились Тысячелист и Морошник, а за ними подошла и Белка. Все они вышли на отмель и вяло бродили по мокрой гальке, озираясь по сторонам.

— Да, дело серьёзное, — сказал Бьюнок. — Похоже, мы все скоро останемся без воды. Смотрите, кто плывёт вниз по ручью!

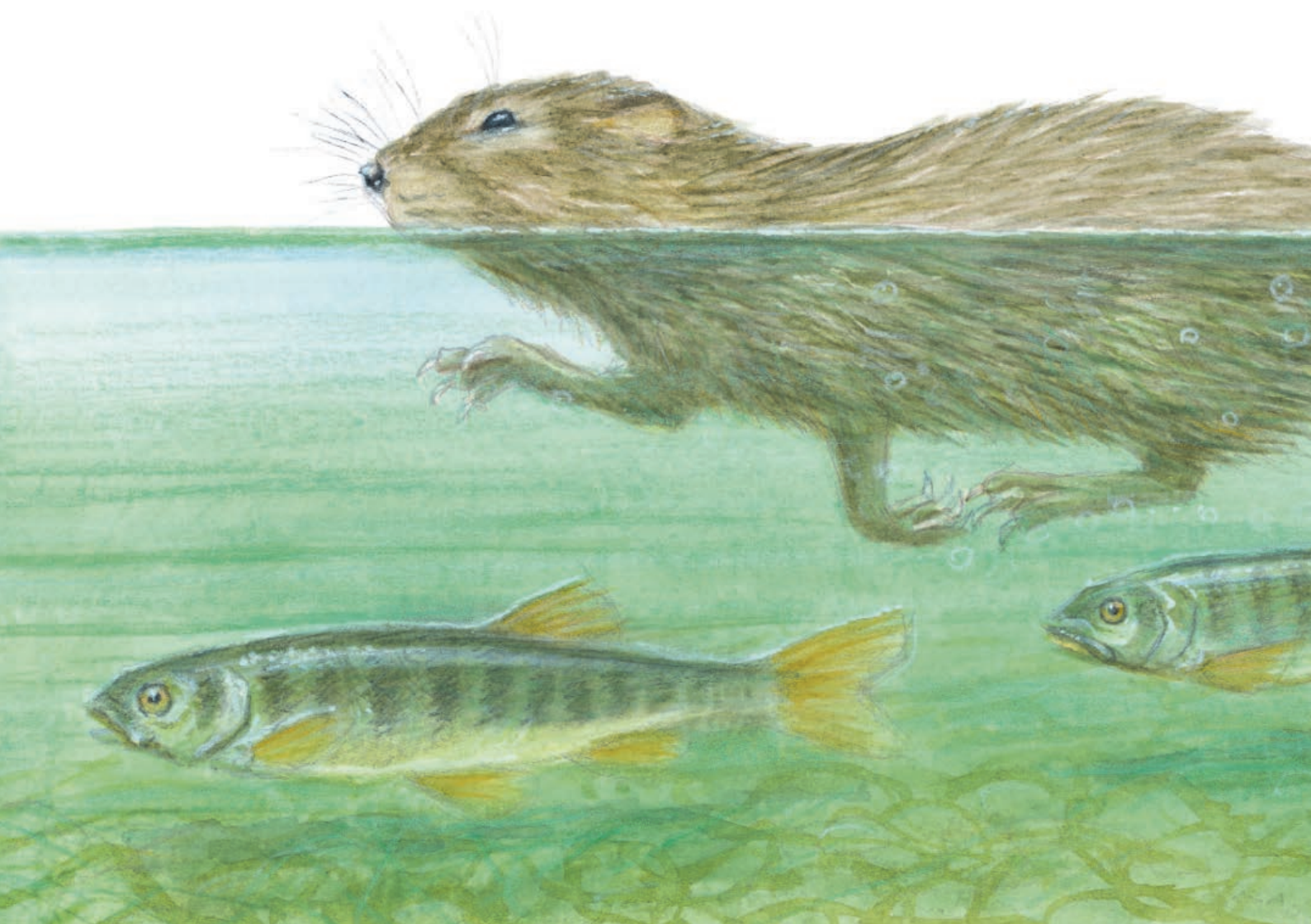
Из-за поворота ручья выше по течению показалась стая водяных крыс, а с ними — семь или восемь растерянных камышниц.

— Похоже, они очень торопятся. Давайте спросим у них, в чём дело.

Через несколько мгновений испуганные птицы и крысы поравнялись с гномами.

— Какой кошмар! — задыхаясь, воскликнула водяная крыса-мать. — У лугов Счастличикса ручей совсем иссяк, вода осталась лишь в заводях, а *рыба!* Вы бы видели, как она бьётся на камнях!

Бьюнок, всё это время внимательно осматривавший ручей, внезапно воскликнул:

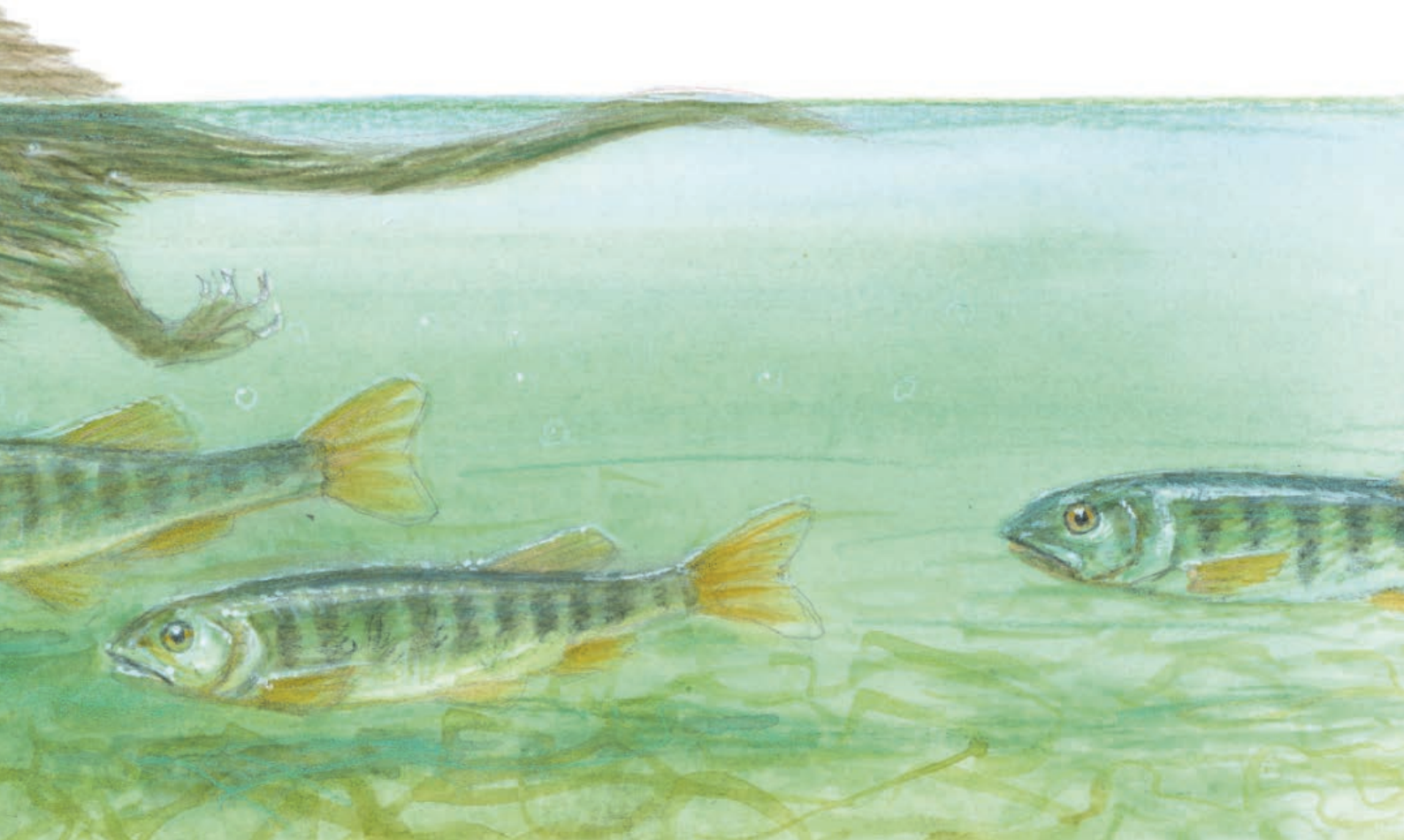
— Спаси нас Пан!* Посмотрите на рыбу — она вся идёт вниз по течению! Остальные проследили его взгляд. Действительно, янтарные воды пруда кишели рыбой, спасавшейся бегством. Рыба шла вниз по ручью целыми косяками, похожими на огромные тени; многие сотни рыбёшек — окуни, плотва, гольяны, — толкаясь и наседая друг на друга, рвались вперёд по течению; в их блестящих глазах явственно читался страх.

— Плохо дело, — сказал Вьюнок. — Они тоже знают, что что-то стряслось. Одна водяная крыса принялась хныкать и причитать.

— Что же с нами будет, если Причудь совсем высохнет? — завывала она. — Куда нам деваться?

— Отличное пробуждение, нечего сказать, — проворчал Вьюнок. — Как раз когда мы ещё даже не проснулись как следует, и пришло время рыба-

* Древнегреческий бог плодородия и дикой природы, покровитель пастухов и скотоводов. В этой книге Пан — могущественный покровитель и защитник дикой природы и её обитателей: растений, животных и гномов. — *Прим. ред.*

чить. Но не будем терять голову... Ага, а вот и Король рыбаков*, теперь-то мы что-нибудь да разузнаем!

Зимородок, похожий на огромную блестящую голубую пчелу, подлетел к дубу и уселся на своей любимой ветке, под которой столпились все — и животные, и гномы.

Но поначалу зимородок не обращал на них никакого внимания. Он надулся и задрал голову.

— Ваше величество, — окликнул его Вьюнок, — что случилось с ручьём?

Но Король рыбаков так объелся рыбой, что не мог вымолвить ни слова.

— Омерзительное зрелище, — проворчал Вьюнок, — просто омерзительное. Полюбуйтесь-ка на него: он так объелся, что вот-вот лопнет!

Если бы в этот момент Вьюнок мог дотянуться до птицы, то хорошенько встряхнул бы её.

— Бесполезно, — вставил Тысячелист. — Нам остаётся только ждать, пока он переварит свою добычу.

Казалось, зимородок пытался что-то сказать. Он сделал несколько попыток, но не произнёс ни единого звука, а через минуту впал в оцепенение. Меум, дрожа от гнева, схватил камешек и швырнул его в птицу с убийственной меткостью. Камень щёлкнул зимородка по клюву; Король рыбаков так удивился, что тут же захаркал и выплюнул пять колюшек, которые упали

* Королём рыбаков гномы называли зимородка. Название этой птицы в английском языке (kingfisher) составлено из слов king (король) и fisher (рыбак), что отражает охотничьи повадки зимородка, который и в самом деле превосходно умеет ловить рыбу. Зимородок караулит добычу, сидя в засаде на ветке над водой; выбрав жертву (обычно это какая-нибудь мелкая рыбёшка, реже — пресноводная креветка, лягушка или водное насекомое), зимородок ныряет в воду и хватает добычу клювом; он может взлетать с добычей прямо из-под воды. В день зимородок съедает 10–12 рыбок. — *Прим. ред.*

на гальку к ногам Вьюнка. Падая, одна из них шлёпнула Водокрыса по носу, и это развеселило всех присутствующих.

— Может быть *теперь* вы что-нибудь нам скажете, ваше величество? — холодно спросил Вьюнок.

— Изумительно! — мечтательно сказал Зимородок. — Ещё ни разу в жизни я так не рыбачил! Все заводи и пороги просто кишат рыбой... Восхитительно! — вновь воскликнул он. — Чудесно!

— Да кого волнует рыбалка! — закричал Вьюнок вне себя от ярости. Он совершенно забыл о том, что с Зимородком следует разговаривать уважительно, но для церемоний сейчас совсем не было времени. — Расскажи нам, в чём дело, почему Причудь пересыхает?

Однако единственным ответом ему был всплеск воды. Зимородок, промчавшись над головами собравшихся, нырнул в ручей. Секунду спустя он появился на поверхности воды с голянком в клюве, взлетел на ветку, оглушил рыбёшку, перевернул её и проглотил.

— Славная рыбалка, — вновь произнёс Зимородок мечтательно.

Вьюнок так рассвирепел, что едва мог сдерживаться. Он повернулся к Белке.

— Белка, ты можешь что-нибудь сделать? Заберись на дерево и встряхни его хорошенько, чтобы он пришёл в чувство.

— Ладно, гномы, — сказал Зимородок, когда Белка направилась к дубу, — я не слишком много могу вам поведать. Всё, что я знаю — это то, что вода убывает, а рыба...

— Забудь про рыбу, — прервал его Вьюнок. — Ты можешь слетать к Мшистой мельнице и выяснить, что происходит?

— Что ж, хорошо, я летаю туда, Вьюнок, если ты так хочешь, но я не понимаю, почему вы все так разволновались.

— Да ведь могло произойти всё что угодно, — возмущённо сказала Белка. — Должно быть, мельник что-то затеял.

— Хорошо, я лечу, — ответил Зимородок, — но сначала — ещё один гольянчик! Смотрите, сейчас я его поймаю!

И он вновь ринулся в воду, подняв фонтан брызг. Собравшиеся лишь вздохнули, переглянулись и грустно покачали головами.

Проглотив пойманную рыбёшку, ненасытная птица умчалась вверх по течению Причуди. Гномы провожали Зимородка взглядами, и очень скоро ярко-голубая точка скрылась за поворотом ручья. Когда взбесившая гномов птица удалилась, Меум подошёл к прибрежным кустам и срезал ивовый прутик. Потом он воткнул прутик в песок на дне ручья неподалёку от берега и своим охотничьим ножом сделал на прутике маленькую засечку на уровне поверхности воды. Затем все уселись на камни и стали ждать. Должно быть, вода в ручье убывала очень медленно, потому что поначалу никто не заметил сколько-нибудь заметного снижения её уровня. Но через четверть часа засечка оказалась чуть-чуть выше уровня воды. Да, теперь сомнений не было: Причудь действительно мелела, и вскоре она совсем пересохнет!

Можете ли вы представить себе, в каком бедственном положении оказались гномы, эти последние представители маленького народца*, стоявшие в тот момент на песчаной отмели Дубовой заводи? Ярко светило солнце, зеленели заливные луга, лёгкий ветерок покачивал тонкие ветви ив, усеянные серебристыми почками. По небу медленно плыли белые облака, погоняемые западным ветром и похожие на огромные мягкие подушки; чёрные и певчие дрозды пели на все лады, а за Коллинсонской церковью в небе парила пустельга, словно маленький пёстрый воздушный змей.

Как досадно, что такое прекрасное весеннее утро было омрачено надвигающейся бедой. Причудь была для гномов всем. Для многих поколений гномов она была добрым соседом и кормилицей: Причудь обеспечивала их рыбой и напевала им колыбельные, именно Причудь вернула Вьюнка, Меума и Тысячелиста домой целыми и невредимыми после того, как они побы-

* В британском фольклоре и фольклоре многих стран континентальной Европы маленьким народцем называют всех маленьких волшебных существ — гномов, эльфов, фей, гоблинов, брауни, кобольдов, домовых и др. — *Прим. ред.*

вали на зловещем Тополином острове и в ужасном Вороньем лесу. Гномы даже представить себе не могли, что этот светлый и весёлый ручей однажды может исчезнуть.

С ужасом смотрели они на ивовый пруттик, вопреки всему надеясь, что их страхи безосновательны. Хладнокровие сохранял лишь Морошик.

Он прогуливался взад и вперёд по отмели, заложив большие пальцы за пояс, и что-то тихонько насвистывал. По правде говоря, с тех пор, как он побывал на Шпицбергене с дикими гусями, он возомнил себя исключительным гномом, и перспектива навсегда покинуть берега Причуди и дом под корнями старого дуба нисколько его не пугала.

— Было бы неплохо, Морошик, если бы ты прекратил свистеть, — раздражённо произнёс Вьюнок. — Подойди-ка сюда... Погляди, не кажется ли тебе, что уровень воды стал ещё ниже?

— Ха! Да к чему вообще волноваться? Если нам придётся отправиться вниз по течению, что ж с того? Кому охота провести всю жизнь на одном и том же месте? Мне вот хочется повидать новые края. Вот бы и мне такие крылья, как у Короля рыбаков! Вот кто много где побывал и многое повидал! Такая жизнь по мне! Пусть эта постылая Причудь мелеет себе на здоровье — меня это не волнует, я готов снова пуститься в путь, навстречу новым приключениям. Что толку сидеть тут, словно жуки-могильщики? Можно подумать, наступил конец света!

Вьюнок не удостоил его ответом. Он встал и поковылял туда, где была пришвартована «Джини Динс».

Увы! Это был уже не тот новенький, блестящий свежей краской корабль, который они поставили на стоянку возле берега снежной зимней ночью четыре месяца назад.

Судно стояло на мелководе, сильно накренившись, его киль покрылся бурой ржавчиной, а корма была опутана зелёной тиной. Даже надпись «Джини Динс» сильно выцвела и потускнела после суровой зимы. Меум и Тысячелист забрались на палубу. В трюме скопилась дождевая вода, а в рубке нашли уют несколько улиток. Меум с возмущением оторвал их от пола, вынес из рубки и выбросил за борт, на берег, где на них набросился большой пятнистый дрозд. Певчие дрозды любят улиток, предпочитая их червям. Дрозд перетаскал улиток одну за одной к большому белому камню возле ручья, расколол раковины о камень и съел их содержимое, а потом вернулся к кораблю и стал выпрашивать ещё, но помощи гномам так и не предложил. Тем временем Меум осмотрел кают-компанию. Она была зава-

лена опавшими дубовыми листьями; здесь пахло сыростью и плесенью, а на койках было полно мокриц.

— Ужасный беспорядок, — проворчал Меум, озираясь по сторонам. — Целый день уйдёт, чтобы всё здесь вычистить.

— Давай приступим прямо сейчас, — сказал Тысячелист. — Морошика звать не стоит, он всё равно не станет помогать. Уверен, он считает «Джини Динс» старой ржавой посудинкой.

Тысячелист сгрёб листья в кучу и взял их в охапку. Меум спустился на берег и направился к дубу за ведром из лягушачьей кожи и щёткой.

Гномы — очень чистоплотный народец, и они сильно расстроились, найдя свой любимый корабль в таком плачевном состоянии.

Вскоре на узкой песчаной отмели возле старого дуба закипела работа. Физический труд — лучшее средство от уныния и тревог. На борту «Джини Динс» в любом случае нужно было провести генеральную уборку, и в конце концов даже Морошик снизошёл до того, что предложил свою помощь.

Вернулся Меум с ведром воды и щёткой. Щётку эту смастерили вовсе не гномы. Может быть, вас позабавит то, что на самом деле это была головка настоящей зубной щётки, когда-то принадлежавшей не кому иному, как мельнику с Мшистой мельницы! Он купил эту щётку три года назад в местном магазине «Вулворт», и она хорошо ему послужила. Когда из щётки начали выпадать щетинки, мельник стал использовать её для чистки спиц и ступиц своего нового велосипеда, которым он очень гордился. У мельника был щенок, который однажды утащил эту щётку и понёс её к ручью, чтобы вдоволь наиграться с нею. Но он обронил щётку, она упала в мельничный пруд, и щенок долго смотрел, склонив набок свою маленькую голову, как зубная щётка покачивалась на воде. Течение отнесло щётку к берегу пруда, в заросли тростника, где она пролежала до тех пор, пока зимние паводки не унесли её дальше, вниз по ручью. Меум нашёл щётку под ивой неподалёку от деревни Яффа. Такова была история этой зубной щётки, хотя, разумеется, гномы не знали о ней, как не знали и о том, для чего люди использовали эту штуковину.

Вьюнок созвал бедных встревоженных водяных крыс и камышниц и попросил их не волноваться, а вместо этого помочь гномам привести «Джини Динс» в порядок. Вскоре к ним присоединились несколько попрыгúш (так гномы называли зайцев), парочка синичек и Белка. Последняя, будучи довольно проворным и сильным зверьком, очень помогла.

Гномы принесли из кладовой лестницу, чтобы Вьюнок смог поднять-

ся на борт судна, а для водяных крыс подъём на борт и спуск на отмель не представлял никаких трудностей. Множество клювов и лап сильно облегчили гномам работу, и вскоре «Джини Динс» вновь стала выглядеть вполне привлекательно. Все трудились так усердно, что гномы совершенно позабыли о мелеющей Причуди, а водяные крысы — о брошенных уютных норах и аккуратно прорытых подземных ходах, которые теперь оказались далеко от воды и совершенно пересохли. Никто не обращал внимания на косяки рыбы, один за другим идущие вниз по течению; забыли даже о Короле рыбаков. Меум на четвереньках ползал по палубе и, словно опытная уборщица, тёр и скоблил всё вокруг, и от натуги его маленькое лицо приобрело цвет черники. Тысячелист соскрёб с корпуса корабля всю ржавчину. Морошик носился туда-сюда с раковиной улитки, вычерпывая воду, собравшуюся в трюме, а один раз из озорства опорожнил содержимое раковины за шиворот Тысячелисту, и тот взвизгнул как мышь. Водяные крысы занялись зелёной тиной, обрывая её своими острыми зубами, а синички в клювах выносили из кают-компании сухую листву.

Когда уборка была в самом разгаре, неожиданно появился Король рыбаков. Он уселся на ветке дуба прямо над «Джини Динс» и некоторое время молча наблюдал за происходящим на судне. Никто не замечал его.

Тогда Король рыбаков издал свист, громкий и продолжительный, и все тут же оставили работу.

Гномы, звери и птицы собрались на отмели под веткой, на которой сидел Король рыбаков, и когда воцарилась тишина, зимородок заговорил.

— Что ж, обитатели ручья, я принёс вам плохие вести. Я слетал за мельницу; теперь вы бы ни за что не узнали это место. Там целая ватага людей расчищает русло Причуди и копает канаву, сооружая подземный сток. До самого Вороньего леса по берегам ручья не осталось ни единого деревца, ни единого кустика. Они перенаправляют воды ручья в новое водохранилище за Коллинсоном. Вот куда течёт теперь наша Причудь. Через неделю в ручье не останется воды даже для водомерки. Так что, похоже, нам всем всё же придётся переезжать. Берег ручья, где мы с женой столько лет строили гнёзда, просто исчез!

— Значит, теперь все мы в одной лодке, — произнёс Вьюнок после того, как собравшиеся в ужасе ахнули. — Вам тоже придётся уходить отсюда.

Меум поставил ведро из лягушачьей кожи на землю и вытер пот со лба.

— Ты верно сказал, Вьюнок: все мы теперь в одной лодке, и эта лодка — «Джини Динс»! Судя по тому, с какой скоростью мелеет ручей, завтра «Джи-

ни Динс» уже не сможет отправиться в плавание. Мы все должны двинуться в путь сегодня вечером!

— Вперёд! — воскликнул Вьюнок, внезапно оживившись. — Давайте потрудимся! Белка, Тысячелист, начинайте переносить на судно припасы из нашей кладовой, а мы с Меумом будем укладывать их в трюм. Я не собираюсь бросать здесь своё вино! До заката весь провиант до последней крошки должен быть на борту! А вам, водяные крысы и камышницы, стоит нам подсобить, если у вас есть время.

— Я полечу в низовья ручья и расскажу обо всём жене и другим обитателям Причуди, — сказал Зимородок, которого так отрезвило увиденное, что ему было немного стыдно за своё недавнее поведение.

— Желаю вам удачи, ваше величество, — ответил Вьюнок, впервые за день вежливо обратившийся к Королю рыбаков, — и спасибо за помощь!

Когда Король рыбаков улетел, все с огромным усердием принялись за работу. Гномы установили две сходни, ведущие с галечного берега на палубу «Джини Динс», и по ним постоянно сновали животные и гномы. Одни тащили печенье из желудей и пшеничные лепёшки в сделанных из листьев кульках, другие — связки сушёной колюшки; Белка носила мешочки с орехами (то и дело украдкой отправляя в рот орешек-другой).

Закупоренные раковины с драгоценными ягодными винами Вьюнка были очень осторожно, с благоговением извлечены из кладовой и аккуратно выставлены в ряд на галечном берегу. Вьюнок никому не разрешил заносить их на борт, опасаясь, что вино взболтают, и сделал это сам. Он был подлинным знатоком вина: занося раковины на корабль, он держал их в определённом положении, чтобы не взболтать содержимое.

К наступлению темноты все припасы лежали в трюме. Теперь оставалось лишь сдвинуть корабль с мелководья и вывести его на стремнину.

Там, где стоял мерный прутик Меума, теперь образовалась отмель — с утра уровень воды в Причуди опустился на целый фут*. Нельзя было терять ни минуты!

* Один фут равен 12 дюймам или 30,48 сантиметрам. — *Прим. ред.*

2

Исход

Гномам, как и людям, нужен сон. В первой книге я уже упоминал о том, что гномы предпочитают выходить из укрытий и отправляться по своим делам ночью — по той простой причине, что при свете дня их могут увидеть. Это особенно важно в начале весны, когда на кустах совсем мало листвы, а трава, цветы и тростник ещё не начали расти.

Следует помнить, что дело было ранней весной, а в это время маленький народец обычно ещё только начинал готовиться к пробуждению.

Гномов пробудили из глубокой зимней спячки на неделю раньше положенного, и у них не было времени собраться с мыслями. Ужасное бедствие случилось неожиданно и страшно их расстроило. Ни с того ни с сего гномы были вынуждены покидать дом, в котором они прожили почти пять сотен лет, а всё из-за того, что каким-то людишкам было приказано копать для Причуди новое русло в нескольких милях* отсюда!

Гномам ещё повезло, что погода в те дни выдалась мягкой. Было начало марта, и если бы ещё лежал снег и случались заморозки, то я даже не знаю, что приключилось бы с Вьюнком и его собратьями. Возможно, они сгнули бы, как сгнули другие гномы, некогда обитавшие в полях и лесах средневековой Британии.

Весь день гномы трудились не покладая рук, и к тому моменту, когда «Джини Динс» была готова к отплытию, они сильно умаялись. Когда стемнело,

* Британская сухопутная миля равна 1,609 км. — *Прим. ред.*

водяные крысы и другие обитатели ручья отправились вниз по течению, и гномы остались одни. Они решили, что им нужно немного вздремнуть перед тем, как пуститься в путь, и Вьюнок попросил филина Бена, который жил над ними, в дупле дуба, разбудить их в полночь, чтобы гномы не проспали до утра. Должен заметить, что Бен ужасно расстроился, услышав от гномов дурные вести, но сказал, что собирается остаться жить в дупле дуба, что бы ни случилось. Он и его предки жили здесь с тех самых пор, как дубу исполнилось три сотни лет, и рацион их питания никак не зависел от состояния Причуди. Конечно, Бен любил этот ручей и однажды даже обмолвился о том, что не представляет себе жизнь без весёлого журчания воды, но, обсудив сложившуюся ситуацию со своей женой на семейном совете, они решили остаться.

Четверо усталых маленьких гномов вместе с Белкой прилегли на отдых в своём жилище под корнями старого дуба, чтобы в последний раз вздремнуть здесь, прежде чем они покинут свой дом.

Гномы были слишком расстроены, чтобы обсуждать случившееся. Конечно, Тысячелист постоянно шмыгал носом, но остальным удавалось скрывать свои чувства, а Морошик, как я уже говорил, казалось, не воспринимал происходящее всерьёз.

Время от времени он приговаривал:

— А вот мы, — говоря «мы», Морошик имел в виду диких гусей и себя, — мы вообще не стали бы переживать об этом, случись нечто подобное на Шпицбергене.

Затем он начал рассказывать длинную историю о том, как однажды полярная лисица (песец) выкрала из одного гусяного гнезда все яйца, после чего матери-гусыне пришлось искать себе новое место для гнезда, и он ей очень помог. Вскоре Вьюнок приказал ему помалкивать.

Гномы сгребли в кучу сухой папоротник, чтобы устроить себе лежанку, и через несколько минут уснули, позабыв о событиях последних часов. Когда, наконец, в дымоходе раздалось уханье Бена, гномы пробудились отдохнувшими и были готовы отправиться в путь.

— Не расстраивайтесь, — утешал их Бен, — готов поспорить на трёх жирных полёвок, что в один прекрасный день вы вернётесь, и мы снова заживём здесь все вместе, а Причудь оживёт.

— Хотел бы я, чтобы так и случилось, — пробормотал Вьюнок, изо всех сил стараясь подавить дрожь в голосе. — До чего же не хочется покидать насиженное место, да и тебя, Бен. Ты был нам добрым другом, и мы многим

тебе обязаны. Ты снабжал нас шкурками для одежды и сделал для нас много хорошего.

— Ерунда, ничего особенного, — угрюмо отозвался Бен, и его голос тоже дрожал от волнения. — Я буду очень скучать по вам, хотя порой вы и обкуривали меня своим дымом! Вьюнок, у меня есть маленький подарок для всех вас. Мы с женой не можем позволить вам уехать без подарка, который напоминал бы вам о нас.

Из тёмного дымохода к ногам Вьюнка упали четыре прекрасные бархатные кротовые шкурки.

— Они помогут вам пережить холода, — сказал Бен ещё более угрюмо и, резко повернувшись, исчез в своём гнезде наверху.

Гномы подобрали подарки. Это были замечательные шкурки, из них можно сделать отличные шубы, которым не будет сносу.

— Это очень мило с твоей стороны, Бен! — крикнул Вьюнок филину. — Они точно будут напоминать нам о вас каждый раз, когда мы будем их надевать!

На этой трогательной сцене я должен прерваться, чтобы кое-что пояснить. Гномы никогда не убивали теплокровных живых существ, ведь водяные крысы, мыши, птицы и четвероногие звери — за исключением разве что лесных собак (так гномы звали лисиц) и горностаев — были их добрыми друзьями. Но кожа была самым лучшим материалом для одежды, и ни одна кожа не могла сравниться с кротовым мехом, в котором гному и удобно, и тепло. Каждый раз, встречая мышь или крота, гномы видели, как те подозрительно косятся на их курточки и бриджи, и гномам приходилось объяснять, как они раздобыли материал для своей одежды. Что они будут делать теперь без Бена, главного добытчика шкурки? Гномов утешало лишь то, что эти прекрасные новые шкурки, подаренные Беном, прослужат очень долго. Нынешняя одежда гномов, сшитая из мышиной и кротовьей кожи, была очень старой и совсем износилась.

Бросив последний прощальный взгляд на свой дом под корнями старого дуба, гномы направились к «Джини Динс».

Теперь она стояла примерно в двух футах* от воды, но откос из песка и гальки под килем судна был довольно крутым, и с помощью Белки корабль быстро удалось столкнуть вниз. «Джини Динс» вошла в воды ручья кормой вперёд, как и приличествует кораблю, и вскоре гномы и Белка уже были на борту.

* Шестьдесят сантиметров. — *Прим. ред.*

— До свидания, Бен! — закричали они, когда их корабль подхватило течение.

— До-о-свиду-у! — заухал Бен дрожащим от волнения голосом. — До-о-свиду-у! У-хуу! У-хуу!

Дрейфуя по течению ручья в полной темноте, гномы слышали, как затихает вдали голос Бена. Наконец наступила тишина. Вьюнок вздохнул.

— Старина Бен был хорошим другом, — произнёс он.

— Это точно, — отозвался Меум. — Прекрасным другом, лучшим из всех птиц, которые едят мышей.

— Бен — славный малый, не буду отрицать, — сказал Морошик, — но не думаю, что можно сравнивать такую птицу с...

— Знаю, с диким гусем! — взорвался Вьюнок. — Когда же ты уймёшься со своими рассказами о Небесных гончих? У старого Бена золотое сердце.

— И всё же я не понимаю, почему он решил остаться, — произнёс Морошик. — Видел бы ты полярных сов, они в два раза больше Бена и белые как снег. Однажды я...

— Ох, замолчи же, Морошик! — снова огрызнулся Вьюнок. — Меня уже тошнит от всех этих рассказов о твоих чудесных приключениях. Ступай вниз и помоги Тысячелисту с ужином. Я умираю от голода.

Морошик надулся и ушёл, что-то бормоча себе под нос, а Вьюнок тем временем начал вглядываться в темноту.

Над гномами чёрными тенями нависали вязы, ивы и густые заросли тёрна, что росли по берегам ручья. Даже будучи едва покрыты листьями, в сумраке они казались огромными.

Вьюнок тяжело вздохнул. Теперь он не испытывал того восторга, который обычно охватывал гномов на борту «Джини Динс». А потом у него возникло странное ощущение, что в любом случае все эти ужасные события — к лучшему, что всё это было предрешиено. Если бы в прошлом году они не отправились вверх по Причуди на поиски Морошика, они бы не нашли «Джини Динс»! А если бы у них не было «Джини Динс», — пусть даже её мотор теперь не работает, — что бы с ними стало? Им пришлось бы отправляться в путь пешком, а в это время года гномов повсюду подстерегают серьёзные опасности. В любой момент погода может испортиться, а найти подходящее укрытие на берегах ручья не так-то просто. Возможно, Пан по-прежнему присматривает за ними. Возможно, он послал им корабль именно с этой целью. Вьюнок снова вздохнул.

Он облокотился на фальшборт и посмотрел на звёзды. Какая прекрасная

тихая ночь сегодня! На небе ни облачка, а сквозь тоненькие ивовые ветви, медленно проплывавшие мимо, просвечивал лунный серп.

Вьюнок услышал едва различимый шёпот и таинственный смех умираю-

щей Причуди, омывающей какой-то корень, торчавший из воды. Где будут они к утру? Конечно, им придётся где-нибудь встать на стоянку. Будет ли уровень воды достаточным для того, чтобы «Джини Динс» могла двигаться дальше? Течение уже унесло их за пределы знакомых мест. Вьюнок замечал, что мимо проплывают деревья и кусты, которых он никогда прежде не видел. Причудь то и дело поворачивала и петляла, и все эти повороты были

незнакомы гномам. Вьюнок надеялся, что впереди не будет ни водопадов, ни плотин.

Время от времени Вьюнок слышал плеск — это проплывала неподалёку водяная крыса, а один раз он увидел рядом с кораблём сразу трёх этих зверьков. Они, как и гномы, покидали родные места. Вьюнок тихонько окликнул их и спросил, плывут ли они вниз по течению, но водяные крысы только покачали мордочками и поплыли дальше.

«Джини Динс» продолжала плыть по течению, медленно вращаясь. Если бы у судна работал мотор, этого бы не происходило, но без двигателя корабль целиком находился во власти течения. Временами «Джини Динс» наткнулась на торчавшую из воды ветку или притопленную корягу, а один раз даже застряла в зарослях тростника, но течение Причуди всякий раз помогало судну преодолеть эти препятствия и несло его дальше.

Последний раз взглянув на звёзды, Вьюнок покинул палубу и спустился в кают-компанию. Там было очень уютно. Тысячелист зажёл над столом маленький светильник и задёрнул занавески на иллюминаторах. На столе был накрыт ужин: орехи для Белки, жареные грибы и рыба для гномов. В качестве деликатеса Вьюнок откупорил раковину с вином из ежевики, которое считал одним из лучших.

Удивительно, насколько лучше они себя почувствовали, поужинав. Вьюнок решил, что больше не будет беспокоиться: они под защитой Пана и должны ему довериться.

Все улеглись в маленькие койки и закутались в одеяла; вскоре все, кроме Вьюнка, уснули. Он долго не смыкал глаз — не из-за беспокойства, о нет, теперь он был спокоен и ощущал удивительное умиротворение, охватившее его. Он чувствовал плавное покачивание судна, слышал мягкое шуршание водорослей и стеблей тростника, задевавших корпус «Джини Динс», слышал журчание и тихий смех ручья, уносившего их всё дальше и дальше. К чему беспокоиться? Какой в этом прок? Койка напротив вдруг затряслась. Это чешалась Белка. Возможно, она поймала блоху. Старая добрая Белка! Хорошо, что она отправилась с ними... Я думаю, теперь вы понимаете, до какого отчаяния были доведены гномы, если они отдались на милость течения и даже перестали нести вахту на палубе. Конечно, нет ничего плохого в том, что они доверились Пану, но Пан помогает только тем животным и гномам, которые сами заботятся о себе.

Итак, всю эту длинную ночь Причудь несла их вперёд. «Джини Динс» плавно и торжественно покачивалась и поворачивалась туда-сюда, увлека-

емая течением. Много раз она попадала в небольшие водовороты, застревала в них и несколько минут вращалась, стоя на одном месте. А в это время уровень воды в ручье падал всё ниже и ниже. Однажды фок-мачта судна зацепилась за ветку упавшего дерева, и «Джини Динс» остановилась, опасно накренившись. И всё это время обитатели кают-компания крепко спали.

Я не знаю, подняла ли эту ветку рука Пана, чтобы гномы могли продолжить плавание, или корабль высвободился сам из-за снижения уровня воды в ручье, но в конце концов «Джини Динс» выровнялась и снова медленно поплыла вперёд.

Свет в кают-компания погас (гномы использовали ореховое масло), всё здесь погрузилось во тьму, а маленький светильник чадил и покачивался туда-сюда, тихо поскрипывая. Корпус корабля то и дело сотрясался от лёгких толчков, но экипаж «Джини Динс» по-прежнему крепко спал.

Об авторе

ВВ (произносится как «Би Би») — литературный псевдоним Дёниса Джеймса Уоткинса-Питчфорда, выдающегося британского писателя, художника-иллюстратора и натуралиста.

Денис Уоткинс-Питчфорд родился 25 июля 1905 года в деревне Лампорт графства Нортгемптоншир в центральной Англии в семье приходского священника. Он был слабым и болезненным ребёнком и поэтому воспитывался дома, хотя его брат-близнец Роджер ходил в школу. Благодаря этому в детстве и юности Денис много времени проводил на природе, гуляя по окрестным лугам и лесам с сачком для ловли бабочек, удочкой или ружьём и занимаясь рыбной ловлей, охотой и рисованием с натуры. Любовь к природе и привычку внимательно наблюдать за ней писатель пронёс через всю свою жизнь; они красной нитью проходят через все его книги, каждая из которых начинается с эпиграфа-приглашения разделить с ним радость созерцания природы — изречения, которое писатель увидел на одном старом надгробии: «Чудо жизни, её удивительная красота и сила, её формы, цвета, свет и тени — вот что я вижу. Взгляни и ты, покуда длится жизнь».

В возрасте пятнадцати лет Денис Уоткинс-Питчфорд поступил в Нортгемптонскую школу искусств, затем обучался в Королевской академии искусств в Лондоне, после чего на протяжении 17 лет работал преподавателем в школе Рагби в одноимённом городе графства Уорикшир, прежде чем полностью посвятил себя литературной деятельности.

Когда Денису было четыре года, в его жизни произошло событие огромной важности, определившее всю его дальнейшую судьбу. Однажды, летним вечером, в детской комнате на втором этаже деревенского дома, где жила его

семья, он увидел настоящего гнома, и с тех пор непоколебимо верил в существование маленького народца — так в Англии называли гномов, эльфов, фей, домовых и других сказочных существ. В возрасте 36 лет он написал одно из величайших произведений о гномах в английской литературе — эпическую сказочную сагу «Вверх по Причуди и обратно» (оригинальное название — «The Little Grey Men»), которая в 1942 году была удостоена медали Карнеги, старейшей и самой престижной награды за лучшее литературное произведение для детей, и стала классикой детской литературы. (Для сравнения: повесть Джона Р. Толкина «Хоббит, или Туда и обратно», номинированная на медаль Карнеги в 1937 году, так и не получила эту награду, уступив первенство другому литературному произведению.)

Денис Уоткинс-Питчфорд написал более 60 книг для детей и взрослых о природе английской глубинки, не считая сотен эссе и статей для газет и журналов; он остаётся уникальной фигурой в английской литературе и по праву считается одним из величайших писателей-натуралистов XX века. Он также проиллюстрировал более 30 книг, написанных другими авторами, и более 50 лет, с 1930-х годов и до самой смерти в 1990 году, вёл собственную колонку в ведущем британском журнале об охоте «Shooting Times». Писатель отличался детской непосредственностью и удивительной способностью находить красоту в самых обыкновенных вещах, что подкреплялось глубокими познаниями в естественных науках и богатым опытом изучения и созерцания природы.

И хотя Денис Уоткинс-Питчфорд получил широкую известность именно как писатель и эссеист, скрывающийся под псевдонимом ВВ, его главной страстью были живопись и графика; свои художественные работы он подписывал настоящим именем. Свои поздние литературные произведения писатель сопровождал контрастными чёрно-белыми иллюстрациями, выполненными им в технике воскографии, или граттажа (от франц. gratter — скрести, царапать) и ставшими его «визитной карточкой». Такие рисунки выполняются путём процарапывания пером или другим острым инструментом слоёв чёрной туши и воска, нанесённых на бумагу или картон, благодаря чему напоминают ксилографии или линогравюры. В издательстве «Добрая книга» вышло в свет специальное издание саги «Вверх по Причуди и обратно» с авторскими иллюстрациями Дениса Уоткинса-Питчфорда.

Другой страстью писателя была охота на диких гусей, отсюда и выбор литературного псевдонима: ВВ — типовой британский размер крупной дроби (так называемый «номер»; диаметр дроби этого номера составляет

0,18 дюйма, или 4,5 мм); именно такую дробь писатель использовал для охоты на водоплавающих птиц. Денис Уоткинс-Питчфорд также был заядлым рыболовом; он особенно увлекался ловлей карпа и, можно сказать, ввёл в Великобритании моду на этот вид рыбной ловли.

Личная жизнь писателя сложилась очень непросто. Он считал, что его семья несла тяжёлое бремя родового проклятия, наложенного на его отца, который в молодости, во время паломничества в Святую Землю, отказался подать милостыню нищему. Нищий проклял молодого паломника и предсказал, что его первый сын умрёт до наступления совершеннолетия, как и первый сын его второго сына. Так и случилось: Энгель Уоткинс-Питчфорд, старший брат Дениса, умер в возрасте 13 лет, а собственный сын Дениса, Робин, умер в возрасте 8 лет. Ещё один удар судьбы обрушился на писателя в 1974 году, когда умерла его жена, Сесилия; работая в саду, она отравилась ядовитыми пестицидами, которые в этот момент распылялись в полях, прилегавших к саду. Писатель переносил все эти беды с подлинной душевной стойкостью, как истинный британец.

В декабре 1989 года Денис Уоткинс-Питчфорд был удостоен звания кавалера ордена Британской империи. Сегодня его книги для детей переведены на многие языки и стали классикой детской литературы. Лучшие из этих книг впервые выходят в свет в переводе на русский язык в издательстве «Добрая книга».

